

www.volsu.ru

УСЛОВИЯ, РЕСУРСЫ, ФАКТОРЫ И МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ ЮГА РОССИИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2022.4.9>

UDC 338.26
LBC 65.054

Submitted: 25.07.2022
Accepted: 02.09.2022

SOUTH OF RUSSIA: SOCIAL AND ECONOMIC LINE OF MACROREGION (2000–2020s)¹

Sergey Ya. Suschiy

Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. The article examines the main directions of social and economic dynamics of the southern macroregion of Russia at the beginning of the 21st century. The development of these territories in the 2000–2010 was determined by a complex correlation of the influence of the federal center, managerial practices of regional authorities, activities of local, Russian and international businesses, demographic and socioeconomic processes of various scales (metropolization, interregional migration, depopulation, the flow of the working population into the service sector). Generally, in the last 20–25 years, the southern Russian regional economies demonstrated the stability of their sectoral structure and several main specializations. This allowed the South of Russia to remain as the leading granary of Russia, the epicenter of its tourist and recreational complex, the most important transport and logistics center in the international trade system. In 2000–2010, the development of the near-Caspian hydrocarbon resources became noticeably more active. The dynamic growth of the economy and social sphere of the South of Russia was largely ensured by the active development of the Azov-Black Sea zone, which concentrated a significant share of the human and economic potential of the macroregion. A new period in the social and economic dynamics of the South of Russia begins in the spring of 2022. The stable positions of the macroregion in the Russian agroindustry, the recreational sector and the system of transport communications give us reasons to believe that these economic niches will remain central ones for the South of Russia for the entire foreseeable future. But the scale of ongoing and upcoming changes makes inevitable a fairly significant correction in the southern Russian economic specializations of the second order, the current composition of which will respond to the international and all-Russian market conditions. It is currently not possible to predict the directions and timing of these shifts, since they will depend on the resulting set of factors of different scales that represent variables.

Key words: South of Russia, regions, social and economic dynamics, clusters of the economy, zones of advanced development, economic forecasts.

Citation. Suschiy S. Ya., 2022. South of Russia: Social and Economic Line of Macroregion (2000–2020s). *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii* [Regional Economy. South of Russia], vol. 10, no. 4, pp. 92–102. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2022.4.9>

ЮГ РОССИИ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТРАЕКТОРИЯ МАКРОРЕГИОНА (2000–2020-е гг.)¹

Сергей Яковлевич Суций

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуются основные направления социально-экономической динамики южного макрорегиона России в начале XXI века. Делается вывод, что развитие южнороссийских территорий в 2000–2010-е гг. определялось сложным соотношением влияния Федерального центра, управленческих практик региональных властей; деятельности местного, российского и международного бизнеса; демографических и социоэкономических процессов разного масштаба (метрополизация, межрегиональная миграция, депопуляция, переток трудоспособного населения в сферу услуг). В целом в последние 20–25 лет южнороссийские региональные экономики демонстрировали устойчивость своей отраслевой структуры и линейки основных специализаций. Это позволяло Югу России сохраняться в качестве ведущей житницы России, эпицентра ее туристско-рекреационного комплекса, важнейшего транспортно-логистического модуля в системе международной торговли. Заметно активизировалось в 2000–2010-е гг. освоение прикаспийских углеводородных ресурсов. Динамичный рост экономики и социальной сферы Юга России в значительной степени обеспечивался активным развитием Азово-Черноморской зоны, концентрировавшей весомую долю человеческого и хозяйственного потенциала макрорегиона. Новый период в социально-экономической динамике Юга России начинается с весны 2022 года. Устойчивые позиции в российском Агропроме, рекреационной сфере и системе транспортных коммуникаций дают основания полагать, что эти экономические ниши останутся центральными для макрорегиона на всю обозримую перспективу. Но масштаб происходящих и предстоящих перемен делает неизбежной существенную коррекцию линейки южнороссийских хозяйственных специализаций второго порядка, актуальный состав которых будет реагировать на мировую и общероссийскую конъюнктуру. Спрогнозировать направления и сроки данных сдвигов в настоящее время не представляется возможным, поскольку они будут зависеть от результирующей комплекса факторов разного масштаба, представляющих переменные величины.

Ключевые слова: Юг России, регионы, социально-экономическая динамика, кластеры экономики, зоны опережающего развития, экономические прогнозы.

Цитирование. Суций С. Я., 2022. Юг России: социально-экономическая траектория макрорегиона (2000–2020-е гг.) // Региональная экономика. Юг России. Т. 10, № 4. С. 92–102. DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2022.4.9>

Введение

В исследовательской литературе присутствует значительное число вариантов пространственной делимитации Юга России (далее – ЮР). В данной статье под ЮР будет пониматься территория Южного федерального округа. Южный макрорегион характеризуется существенными природно-климатическими, этнокультурными, социодемографическими, социально-экономическими различиями. Плотность сельского населения в пределах ЮР колеблется от 1,0 до 250–300 чел./кв. км. Самым существенным образом различается как отраслевая структура экономик южных регионов, так и размеры среднедушевого ВРП.

Социально-экономической динамике всего южного макрорегиона и отдельных его территорий посвящено значительное число публикаций

[Атлас, 2011; Дружинин, 2009; Митрофанова и др., 2019; Суций, 2019; Юг России, 2014]. Тем не менее многие аспекты данной обширной и комплексной проблематики требуют дальнейшего изучения. При этом анализ современных трендов развития ЮР предполагает обязательный учет подвижности его административно-территориальных контуров, которые с начала XXI в. менялись уже три раза. До 2001 г. сохранялось советское территориальное деление, и макрорегион развивался в границах Северо-Кавказского района, дополненного тремя нижнеповолжскими регионами, а в 2010 г. разделенного на два федеральных округа – Южный и Северо-Кавказский, в первый из которых в 2016 г. были включены Республика Крым и Севастополь.

Частое административное реформирование препятствовало созданию единого социально-экономического пространства ЮР,

убеждая региональное руководство и местный бизнес в формальном характере окружного уровня административно-территориального деления. В известном смысле эта позиция была оправданной, поскольку большинство южно-российских регионов отличалось куда большей устойчивостью, сохраняя свои контуры на протяжении 60–80 лет.

Длительное развитие в рамках советского Северо-Кавказского района определило и пространственные особенности транспортной системы ЮР, географию железнодорожного сообщения и основных автомобильных дорог, в значительной степени определяющих циркуляцию товарных потоков и векторы межрегиональных экономических взаимосвязей. В пределах южного макрорегиона отчетливо фиксируются две транспортно-логистические подсистемы – Азово-Черноморская и Прикаспийская, внутри которых плотность межрегиональных коммуникаций значительно выше, чем между ними. Данное обстоятельство также существенно осложняет задачу трансформации ЮР в целостную социально-экономическую систему.

Значимо и другое. Современная рыночная экономика, в отличие от советской плановой, оставляет государству гораздо меньше рычагов воздействия на региональные социально-экономические комплексы, что подтверждается малоуспешным опытом реализации множества Стратегий развития российских макрорегионов. Программы социально-экономического развития ЮР не исключение (Федеральная целевая программа «Юг России», 2002–2007 гг.; «Стратегия социально-экономического развития ЮФО на период до 2020 г.»). Большинство зафиксированных в них ключевых показателей развития достигнуты не были. Зачастую прирост составлял только 15–25 % от запланированного [Суций, 2019].

Векторы социально-экономической динамики регионов ЮР в 2000–2010-е годы

Существенное воздействие государства на региональные экономики ЮР в последние 20–25 лет обнаруживалось только в рамках реализации ряда крупных проектов в сфере нефтяной, нефтегазовой и химической промышленности, а также в связи с развитием транспортной инфраструктуры южного макрорегиона, призванной увеличить его возможности по добыче, переработке и экспорту на внешние рынки природного

сырья, продукции Агропрома и ряда других отраслей экономики.

Другим направлением активного подключения Федерального центра к вопросам развития ЮР являлась масштабная бюджетная поддержка проводимых в макрорегионе крупных спортивных мероприятий (Сочинская олимпиада 2014 г., чемпионат мира по футболу 2018 г.), а также реализация комплекса проектов по интеграции Крыма, включая создание транспортного коридора, соединяющего полуостров с Кубанью. Однако в пространственном разрезе значительная часть этих крупных инвестиционных начинаний локализовалась в пределах субрегиона ЮР, включающего Ростовскую агломерацию, Краснодар и причерноморскую зону Кубани, несколько южных районов Крымского полуострова и Севастополь.

С учетом приходящих в макрорегион частных инвестиций, к территориям динамичного развития ЮР можно причислить крупнейшие средоточия населения и экономической деятельности Нижнего Поволжья – Волгоградскую агломерацию и Астрахань. Но в любом случае устойчивого (и при этом значительного по масштабам) финансирования своей социально-экономической жизнедеятельности в последние 15–20 лет не получала большая часть административных образований макрорегиона, занимающих до 75–80 % его территории. В условиях ограниченных государственных и частных инвестиций каждый из южных регионов в 2000–2010-е гг. пытался использовать имеющиеся природные, трудовые, производственные ресурсы и возможности для реализации собственных стратегий развития. В реальности данный подход оборачивался преимущественной ориентацией на поддержание устойчивости сложившихся региональных экономических комплексов, воспроизводство уже существующей линейки специализаций.

Во всех регионах ЮР к таковым относились отдельные сегменты Агропрома и связанные с ними кластеры пищевой и легкой промышленности. Ростовская и Волгоградская области – основные индустриальные территории Юга, по возможности осуществляли задачу восстановления промышленного потенциала, утраченного в 1990-е гг., стимулируя центры своей тяжелой индустрии (машиностроение, металлургия, химия) и добывающей промышленности (угольный кластер). Астраханская область, наряду с развитием ряда обрабатывающих производств (судостроение, металлообработка), ориентировалась на разработку прикаспийских месторожде-

ний углеводородов (6 трлн куб. м газа и более 1,3 млрд т нефти).

Практически все южные регионы пытались активизировать сферу туристическо-рекреационных услуг, используя природно-климатические, ландшафтные, историко-культурные ресурсы своих территорий. Но очевидным лидером в данной сфере был Краснодарский край, к которому с середины 2010-х гг. присоединяется Республика Крым. Важную роль в развитии ряда регионов ЮР (прежде всего, Кубани и Ростовской области) играла сфера транспортно-логистических услуг.

Упор на сохранение своих позиций в межрегиональном разделении труда, конечно, не исключал поиска новых перспективных направлений роста. Но фактически вопросы инновационного развития отодвигались на второй план. Доминирующим в динамике всех южнороссийских регионов в начале XXI в. был алгоритм движения в уже сложившейся социально-экономической «колее», что, как показывает мировая экономическая практика, зачастую является достаточно эффективным способом сохранения устойчивости развития территориальных сообществ разного таксономического уровня [Аузан, 2015].

Однако данный сценарий, позволяя минимизировать системные риски, параллельно серьезно ограничивал возможность перехода на траекторию более интенсивного роста. На это, в частности, указывает устойчивость позиций южных территорий в общероссийском рейтинге инвестиционной привлекательности. За последние 20–25 лет большинство регионов ЮР двигалось в очень узких диапазонах (+/–1–4-е места). При

этом в рейтинге инвестиционных рисков положение всех южнороссийских регионов ухудшилось (табл. 1). Стараясь сохранить конкурентоспособные стороны своих социоэкономических комплексов, южные регионы зачастую не уделяли должного внимания коррекции имеющихся узких мест (экологические проблемы, неразвитая транспортная система, неблагоприятная криминальная обстановка, низкое качество системы управления и т. п.). Сохранение данных проблем тормозило темпы экономического роста, динамику социального развития, ограничивало масштабы федеральных и частных инвестиций.

Но следует учесть, что не все системные проблемы южных территорий могли быть решены усилиями региональной власти. Некоторые представляли местные варианты общероссийских негативных трендов. Другие, имея региональную природу, требовали инструментов и ресурсов, которыми власти на местах не располагали. Можно отметить и отрицательный кумулятивный результат процесса комплексной метрополизации пространства южного макрорегиона, на протяжении многих десятилетий стягивающего сельское население в крупные города (прежде всего, в административные центры), способствующего оттоку молодежи и квалифицированной трудовой силы за пределы ЮР.

Результатирующей данного процесса являлась возрастающая внутренняя поляризация региональных систем расселения, формирование в их пределах локальных зон динамичного развития и обширных ареалов хронической социально-экономической стагнации [Дружинин, 2009: 221–242]. Подобная внутренняя поляризация фиксировалась

Таблица 1

ВРП регионов ЮР и позиции в инвестиционном рейтинге

Регионы	Место регионов ЮР в рейтинге:		ВРП			
	инвестиционной привлекательности 2000/2020	инвестиционного риска 2000/2020	Объем, млрд руб.		Доля в ВРП макрорегиона 2000/2019 (2019) *	Место среди регионов РФ по объему ВРП 2000/2019
			2000	2019		
Адыгея	74/73	40/52	5,5	132,2	1,7/2,0 (2,2)	74/74
Калмыкия	80/81	56/74	6,2	89,9	1,9/1,3 (1,5)	72/78
Крым	–/28	–/69		469,3	–/7,1	–/48
Краснодарский край	10/4	6/9	137,1	2569,8	41,6/38,9 (42,9)	10/6
Астраханская область	58/57	17/68	28,1	602,3	8,5/9,1 (10,1)	44/39
Волгоградская область	18/26	29/32	63,8	961,4	19,3/14,6 (16,0)	20/24
Ростовская область	15/9	25/26	89,0	1637,2	27,0/24,8 (27,3)	15/12
Севастополь	–/71	–/48		136,9	–/2,1	–/75

Примечание. Рассчитано по: [Регионы, 2006; 2021; Рейтинг инвестиционной привлекательности ... , 2020].

* – в скобках – без Республики Крым и Севастополя.

даже в благополучном Краснодарском крае, до 40 % территории которой (восточные и северо-восточные районы) является зоной устойчивой депопуляции. В Ростовской области такой депопуляционно-депрессивный ареал занимает 75–80 % площади, в Волгоградской и Астраханской областях – 85–90 % [Розин, Суший, 2011].

В целом же социохозяйственная система ЮР в первые два десятилетия XXI в. демонстрировала более динамичный рост, чем вся российская экономика. За 2000–2019 гг. в номинальном исчислении размер ВРП макрорегиона в сопоставимом формате (то есть без учета Крыма и Севастополя) увеличился в 18,2 раза (с 329,7 млрд до 5 992,5 млрд руб.), а России – в 16,5 раз.

Среди регионов-лидеров были Адыгея и Астраханская область (рост ВРП соответственно в 24 и 21,4 раза), к числу аутсайдеров относились Калмыкия и Волгоградская область (14,3 и 15,1 раз). Но, несмотря на существенные различия в темпах роста, доли регионов в совокупном ВРП макрорегиона изменились незначительно – оказалась многократная разница в общем весе региональных экономик, среди которых выделялись своим потенциалом Краснодарский край и Ростовская область. За 2000–2019 гг. их общая доля в ВРП макрорегиона выросла с 68,6 до 70,2 %.

Анализ отраслевой структуры ВРП регионов ЮР в 2000–2010-е гг. подтверждает вывод об их преимущественном развитии в сложившейся социально-экономической колее; ориентации на системную устойчивость, а не инновационность. Как результат, соотношение основных форм экономической деятельности в региональных социохозяйственных комплексах изменилось незначительно. Но подобный консерватизм не исключал серьезных структурных сдвигов, связанных с действием мировых и общероссийских трендов. Наиболее очевидный из них – устойчивый переток экономически активного населения из производящих отраслей в различные сегменты сферы услуг. За 2000–2019 гг. доля работников индустриального сектора сократилась в большинстве регионов ЮР на 20–30 %, в Калмыкии – в 2,7 раза. В сельском хозяйстве абсолютные и удельные кадровые потери были еще значительней. К началу 2020-х гг. в сфере услуг концентрировалось уже 63–78 % трудоспособного населения южнороссийских регионов (в 2000 г. – 46–59 %) (табл. 2).

Однако смещение рынка труда регионов ЮР в сторону третичного сектора незначительно коррелировало с линейкой их центральных экономических специализаций, сосредоточенных преимущественно в сфере сельхозпроизводства, рекреации, транспортно-логистической

Таблица 2

Отраслевая структура ВРП и трудоспособного населения южнороссийских регионов в 2000/2020 гг., %

Регионы	Сельское хозяйство, рыболовство	Промышленность	Строительство	Образование, здравоохранение	Оптовая, розничная торговля; ремонт	Остальные виды экономической деятельности
<i>Отраслевая структура ВРП</i>						
Адыгея	15,9/13,7	17,5/19,9	6,3/6,7	13,5/12	18,2/13,9	28,6/33,8
Калмыкия	26,6/25,9	12,9/3,2	6,9/6,0	17,5/11,8	7,5/5,8	28,6/47,3
Крым	-/6,7	-/16,3	-/11,1	-/12,2	-/17,1	-/36,6
Краснодарский край	15,8/10,6	18,2/15,2	9,4/6,9	8,2/8,7	14,3/17,3	34,1/41,3
Астраханская область	8,4/5,1	33,9/57,6	12,0/4,9	8,3/5,6	8,8/6,7	28,6/20,1
Волгоградская область	9,6/10,5	39,6/36,6	5,9/6,1	6,4/8,2	16,2/13,2	22,3/25,4
Ростовская область	12,9/10,2	25,1/26,6	6,4/5,7	7,4/8,6	23,2/17,8	25/31,1
Севастополь	-/3,4	-/14,9	-/6,5	-/11,4	-/15,0	-/48,8
<i>Распределение трудоспособного населения</i>						
Адыгея	24,2/10,7	18,5/17,2	4,2/8,7	19,4/18,3	13,8/16,1	19,9/29,0
Калмыкия	28,4/18,1	20,7/7,6	4,6/7,3	22,6/20,5	8,9/15,3	14,8/31,2
Крым	-/11,5	-/11,6	-/9,5	-/15,9	-/19,9	-/31,6
Краснодарский край	23,8/8,9	16,8/12,7	5,7/9,3	16,6/14,5	12,0/20,8	25,1/33,8
Астраханская область	15,8/13,5	17,9/14,4	7,2/6,2	19,3/15,5	13,3/16,3	26,5/34,1
Волгоградская область	18,8/13,2	23,7/16,2	6,1/7,2	14,7/13,3	14,2/19,9	22,5/30,2
Ростовская область	18,4/11,3	20,3/16,3	6,3/7,8	15,0/13,3	19,6/23,6	20,4/27,7
Севастополь	-/2,1	-/10,7	-/9,0	-/13,4	-/22,2	-/42,6

Примечание. Рассчитано по: [Регионы России ... , 2006; 2021].

деятельности. При этом следует отметить возросшее стремление региональных экономик к более узкой специализации в рамках своих ведущих сегментов. Так, в пределах южнороссийского Агропрома фиксировался значительный интерес производителей к развитию ряда направлений растениеводства (зерновые культуры, подсолнечник, овощи, плодово-ягодные культуры) при параллельном, фиксируемом с начала постсоветского периода, свертывании региональных животноводческих комплексов (за исключением овцеводства).

Но, укрепляя или теряя позиции в отдельных кластерах, южнороссийский Агропром в целом оставался одним из центральных направлений хозяйственной специализации макрорегиона. В 2000–2010-е гг. он не только продолжал решать проблему продовольственной безопасности России, но осуществил успешный выход своей продукции на внешние рынки, заметно увеличив экспортный потенциал всей российской экономики.

В настоящее время ЮР при доле в населении страны около 10 % устойчиво дает 20–30 % продукции по значительному ряду культур растениеводства (зерно, свекла, подсолнечник, овощи, плоды) (табл. 3). Краснодарский край и Ростовская область являются двумя крупнейшими зерновыми регионами России, они же вместе с

Волгоградской областью – ведущие производители подсолнечника; Кубань – крупнейший центр российского свекольного производства, Нижнее Поволжье – плодово-ягодной продукции.

Для территорий, входящих в состав ЮР, промышленность, несмотря на наличие ряда крупных предприятий, не являлась ведущим кластером хозяйственной специализации, но следует выделить комплекс добывающих производств Астраханской области, на который в 2010-е гг. приходилось 4,2 % продукции российской добывающей промышленности (в 6 раз больше доли региона в населении страны).

Значительно мощней были позиции макрорегиона в сфере туристско-рекреационной деятельности. Во второй половине 2010-х гг., с появлением в составе ЮР Крымского полуострова, они еще более укрепились. В отдельных сегментах (например, пляжном туризме) положение макрорегиона было абсолютно исключительным. На Кубань и Крым приходилось 90–95 % рекреантов, выбравших морской пляжный отдых в пределах России. Но и по общему объему турпотока данные регионы (во второй половине 2010-х гг. соответственно 15–17 и 5,5–7,5 млн чел.) входили в пятерку ведущих территорий России. Вплоть до начала пандемии устойчиво рос турпоток и в другие южные регионы –

Таблица 3

**Доля ЮР и его регионов в общероссийском показателе, %
(среднегодовой показатель за 2010-е гг.)**

Территории	Население	Промышленное производство		Сельскохозяйственное производство						
		Добывающие отрасли	Обрабатывающие отрасли	Продукция всего Агропрома	Сбор культур					Поголовье
					Зерно	Подсолнечник	Овощи	Плоды ягоды	Крупный рогатый скот	
Адыгея	0,31			0,41	0,53	0,96	0,45	0,95		
Калмыкия	0,19			0,50	0,38				2,62	10,1
Крым	0,79			0,87			0,82	2,77		
Краснодарский край	3,77			7,12	12,11	10,56	5,37	12,92		
Астраханская область	0,70	4,22		0,79			6,91		1,51	6,23
Волгоградская область	1,76		1,90	2,54	3,43	7,38	6,89	5,20		4,42
Ростовская область	2,92			4,74	9,27	10,89	4,33			4,85
Севастополь	0,30									
Весь Юг России	10,60	6,71	6,64	17,02	26,42	30,45	24,91	26,27	12,69	27,5

Примечание. Рассчитано по: [Регионы России ... , 2006; 2021]. В таблице показаны только кластеры экономической специализации.

Астраханскую, Волгоградскую, Ростовскую области в 2019 г. посетило по 1,2–1,6 млн чел. (по данному показателю они входили в топ-20 российских регионов).

На всем протяжении постсоветского периода значимыми оставались и транспортно-логистические функции южного макрорегиона, на порты которого в 2000-е и 2010-е гг. в среднегодовом измерении приходилось соответственно 35 и 32,3 % всего морского грузооборота России. Размеры южнороссийского товарного каботажного выросли со 100–110 млн т в год (начало 2000-х) до 260–290 млн т в 2017–2021 гг.; более половины этого объема приходилось на Новороссийск, а доля всего портового комплекса Краснодарского края достигала 85–90 %; 7–10 % грузооборота обеспечивали порты Ростовской области, 3–5 % – Крыма (во второй половине 2010-х гг.) (рассчитано по: [Грузооборот морских портов ... , 2003–2021]).

Таким образом, первые два десятилетия XXI в. укрепили позиции сложившихся центральных кластеров хозяйственной специализации ЮР. Но в последние 15–20 лет все более значимую роль в его социально-экономической динамике начинает играть и системное качество, которое можно условно определить как «южность». В пределах макрорегиона оно (если под ним понимать сумму природно-климатических и ландшафтных условий, благоприятных для проживания и экономической деятельности) распределено очень неравномерно.

В максимальной степени этот природно-климатический ресурс локализуется в пределах территориальной полосы шириной 50–100 км, протянутой вдоль побережья Черного и Азовского морей (запад, юг и центр Кубани, урбанизированный юго-запад Ростовской области; с середины 2010-х гг. южные и центральные районы Крыма). Комфортные природные условия способствовали интенсивному заселению и активному хозяйственному освоению этой ограниченной территории уже с имперского периода. В настоящее время в ее пределах (12–13 % площади ЮР) проживает более 7,5 млн чел. (около 46 % населения макрорегиона). Здесь максимальной плотности достигает поселенческая сеть, сосредоточены все его крупные города, за исключением Волгограда, Волжского и Астрахани. В социально-экономическом аспекте данная территория представляет Азово-Черноморскую зону опережающего развития (АЧЗ), ведущим драйвером которой в настоящее время

является третичный сектор экономики [Суший, 2019: 102].

Динамичный демографический и социально-экономический рост АЧЗ фиксируется на протяжении всего постсоветского периода. Но отметим, что опережающее развитие данной зоны является не столько результатом целенаправленной политики Федерального центра, сколько следствием комплексного саморазвития самих южных территориальных сообществ, при помощи региональных властей реализующих свои агроклиматические, социодемографические, экономические преимущества [Суший, 2019].

Социально-экономическая динамика ЮР в 2020-е годы

Начало 2020-х гг. было связано с пролонгацией социально-экономических трендов, определявших развитие южного макрорегиона в предыдущие десятилетия. Положение меняется в 2022 г., резкое обострение противостояния России и коллективного Запада после начала спецоперации на Украине и системные геоэкономические последствия этого конфликта активизировали комплекс трансформационных процессов в различных сегментах социально-экономической жизнедеятельности ЮР.

С начала нового этапа в развитии России и ее южного макрорегиона прошло несколько месяцев, и потому отсутствует развернутая статистика, позволяющая выявить масштабы происходящих изменений. К тому же речь идет о самой динамичной стадии трансформационного процесса, результаты которого можно будет достоверно оценить после того, как оформится (хотя бы в общих чертах) новая социально-экономическая реальность. Тем не менее ряд устойчивых трендов уже очевиден и может быть зафиксирован. Отчасти это возможно в силу сложившейся структуры экономики и устоявшейся линейки кластеров-специализаций ЮР, которые делают прогнозируемыми центральные векторы трансформации южнороссийского хозяйственного комплекса и его позиций в национальной экономике.

Очевидно, что в новых условиях развития России ее южный макрорегион будет сохраняться в качестве ведущей «житницы» страны и эпицентра ее туристско-рекреационного комплекса. Более того, Агропром и рекреация, ориентированные, прежде всего, на внутреннего потребителя, получают дополнительные стимулы к развитию,

что подтверждается даже неполными данными уборочной кампании и курортного сезона 2022 года. К концу лета на ЮР было собрано 36,1 млн т зерна, что является рекордным показателем не только для современной России, но и советского периода. С учетом поздних зерновых итоговый урожай в макрорегионе может составить 38–38,5 млн т и доля южного макрорегиона в общероссийском показателе достигнет порядка 27–29 % (рассчитано по: [Уборочная кампания в РФ, 2022]).

Если все направления зарубежного пляжного отдыха², на который традиционно приходилась значительная часть внешнего российского турпотока, по количеству отдыхающих за весну – лето 2022 г. «сжались» на 80–90 %, то в Краснодарском крае число рекреантов за январь – август 2022 г. выросло на 2 % (до 11,2 млн чел.) [На курортах Кубани ... , 2022]. В Крыму, лишенном авиасообщения, сокращение турпотока за 2022 г. может составить порядка 30–40 %. Но есть все основания полагать, что оба региона сохраняют свои исключительные позиции в туристско-рекреационной сфере России на всю обозримую перспективу. С большой вероятностью сохранится и сложившаяся территориальная структуру курортной экономики Кубани и Крыма, как и соотношение их основных рекреационных субрегионов (Большой Сочи, Анапа – Геленджик; приазовские курорты в Краснодарском крае; Большая Ялта, Судак – Феодосия, Евпатория на Крымском полуострове).

Безусловно, сохранится ЮР и в качестве одной из важнейших транспортно-логистических и перевалочных баз России. Однако существенной может оказаться трансформация ее пространственной структуры. В частности, следует ожидать существенного роста значения транспортного коридора «север – юг», обеспечивающего движение товарных потоков из европейской России в меридиональном направлении, через Каспий и Азербайджан в сторону Ирана, среднего Востока и отчасти южной Азии. Анонсированный еще в 2000-е гг., данный транспортный коридор до начала 2020-х гг. не получил значительно развития, но в современных условиях может стать одним из магистральных направлений международной торговли России, переориентируемой с Европы на быстро растущие экономики Азии.

Но в полной мере востребованной останется и система морских портов Азово-Черноморского бассейна, которые при этом могут существенно скорректировать и дополнить географию

своих торговых партнеров. Изменения могут коснуться и ассортимента международной торговли ЮР, но в большей степени соотношения различных видов продукции, формирующей южнороссийский экспорт / импорт. При этом, очевидно, может измениться и соотношение объемов грузооборота отдельных южных портов. Тем более что в обслуживании международных товарных потоков России в обозримой перспективе могут включиться азово-черноморские порты, до 2022 г. находившиеся в составе Украины.

Адаптация России к новым условиям социально-экономического развития будет сопровождаться устойчивым ростом оборонного бюджета страны и средств, выделяемых на национальную безопасность и развитие отечественного ВПК. Данный устойчивый тренд будет стимулировать развитие южнороссийский «оборонки» (производство изделий радиоэлектроники, вертолетов, гидросамолетов, оптических приборов для космической техники и др.), включающей сотни предприятий и десятки тысяч работников. С учетом смежных производств синергетический эффект ускорения регионального ВПК для экономики всего ЮР может оказаться весьма ощутимым.

Другим реальным драйвером экономического роста южных регионов России становится импортозамещение. Если после 2014 г. его успехи в макрорегионе в значительной степени ограничивались Агропромом, то происшедший в 2022 г. разрыв торговых связей с коллективным Западом и резкое сокращение импорта существенно расширили возможности выхода на отечественные рынки местных производителей. Очевидно, что не все смогут воспользоваться открывшимся окном возможностей, но есть все основания полагать, что уже в ближайшие годы многие южнороссийские кампании и производства, локализованные в самых различных сферах экономики, продемонстрируют значительный рост своих показателей.

В роли локомотивов экономического роста и одновременно системных стабилизаторов, обеспечивающих устойчивость социально-экономической жизнедеятельности регионов ЮР в новых условиях, могут выступать и крупные российские корпорации, включая финансово-кредитные институты, сетевые и вертикально-интегрированные структуры, глубоко укорененные в основных отраслях промышленности, АПК, транспортной инфраструктуре, торговле, банковской сфере, страховании южного макрорегиона (в том

числе Российские железные дороги, Газпром, Роснефть, Лукойл, Росэнергоатом, Ростелеком, Евроцемент группа, Таманьнефтегаз, Евродон, Внешэкономбанк, Банк Москвы, Бинбанк, Промсвязьбанк, Базовый элемент, Волжский кремний и др.).

В условиях изоляции от западных центров инновационной продукции существенно возрастет роль российского научно-технологического комплекса, в том числе его южно-российских кластеров, включающих около 80 организаций инновационной инфраструктуры (12 технико-индустриальных парков, множество внедренческих зон, IT-технопарков, бизнес-инкубаторов, агрогородков и др.).

Для предстоящего социально-экономического развития ЮР существенно и то, что одним из вероятных результатов военной спецоперации станет формирование в пределах сопредельных южному макрорегиону территорий Украины обширного пророссийского территориального образования, при определенных сценариях способного войти в состав Российской Федерации. Но вне зависимости от того, будет ли это образование сохранять элементы самостоятельной государственности или станет частью России, его пространственная сопредельность будет активизировать процессы комплексного социально-экономического взаимодействия с ЮР, предполагающего в том числе существенное уплотнение системы транспортно-логистических коммуникаций, формирование элементов общего рынка труда (аналогично тому, что с середины 2010-х гг. складывался в рамках Ростовской области и республик Восточного Донбасса).

Выводы

Анализ основных трендов развития регионов ЮР в 2000–2010-е гг. обнаруживает достаточно устойчивый рост экономики и социальной сферы, который, однако, в значительной степени обеспечивался опережающей динамикой Азово-Черноморской зоны, концентрировавшей около половины населения макрорегиона, значительную часть его экономического потенциала, объемов жилищного строительства и розничной торговли; локализовавшей основную долю приходивших на ЮР государственных и частных инвестиций. Эпицентрами социально-экономического развития второго порядка являлись Волгоградская агломерация и Астрахань. Значительная часть остальной территории макрорегиона в начале XXI в. оставалась в зоне посте-

пенного сокращения человеческого потенциала и экстенсивной экономической динамики.

Активизация региональных экономик в 2000-е гг. была в значительной степени связана с восстановлением сложившейся в советский период линейки хозяйственных специализаций. Ориентация на уже существовавшие экономические заделы, сокращая возможности развития новых перспективных кластеров, вместе с тем позволяло ЮР сохраняться в качестве одной из основных житниц России, эпицентров ее туристско-рекреационного комплекса, важнейшим транспортно-логистическим модулем страны в системе ее международных торговых связей.

Есть все основания полагать, что данные экономические ниши останутся центральными специализациями южного макрорегиона и в новом периоде его развития, начавшемся с весны 2022 года. Между тем масштаб уже происходящих и еще предстоящих изменений делает неизбежной более или менее существенную коррекцию линейки южнороссийских социохозяйственных специализаций и функций второго уровня, актуальный состав которых будет определяться мировой и общероссийской конъюнктурой. Однако спрогнозировать направления и сроки данных сдвигов в настоящее время не представляется возможным, поскольку предстоящая трансформация социально-экономической динамики ЮР будет зависеть от результирующей комплекса разномасштабных факторов, в свою очередь представляющих переменные величины.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации Государственного задания Южного научного центра РАН, № государственной регистрации проекта 122020100349-6 «Стратегические векторы развития социохозяйственного комплекса Юга России с учетом региональной резилентности (экономические и демографические аспекты)».

The publication was prepared as part of the implementation of the State Assignment of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, No. of state registration of the project 122020100349-6 “Strategic vectors of development of the socio-economic complex of the South of Russia, taking into account regional resilience (economic and demographic aspects)”.

² За исключением Абхазии, возможность посетить которую по российскому паспорту фактически делает ее одним из направлений «внутреннего» туризма. В 2022 г. поток отдыхающих из России в республику сократился незначительно.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Атлас социально-экономического развития Юга России, 2011. Ростов н/Д : Вуз. кн. 144 с.
- Аузан А. А., 2015. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предыдущего развития – эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Серия 6, Экономика. № 1. С. 3–15.
- Грузооборот морских портов России, 2003–2021. URL: <https://www.morport.com> (дата обращения: 17.06.2022).
- Дружинин А. Г., 2009. Глобальное позиционирование Юга России: факторы, особенности, стратегии. Ростов н/Д : Изд-во СКНЦ ВШ. 288 с.
- Митрофанова И. В., Селютин В. В., Иванов Н. П., 2019. «Белые пятна» стратегии пространственного развития России: обсуждение проекта // Региональная экономика. Юг России. Т. 7, № 1. С. 42–55. DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2019.1.4>
- На курортах Кубани в 2022 году отдохнули более 11 миллионов туристов, 2022. URL: <https://ria.ru/20220824/kuban-1811750821.html> (дата обращения: 19.07.2022).
- Регионы России. Социально-экономические показатели 2005, 2006. М. : Росстат. 981 с.
- Регионы России. Социально-экономические показатели 2020, 2021. М. : Росстат. 1142 с.
- Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов RAEX, 2020. URL: <https://raex-a.ru/ratings/regions/1996-2020> (дата обращения: 15.06.2022).
- Розин М. Д., Суцкий С. Я., 2011. Юг России: этнодемографические и миграционные процессы (конец XX – начало XXI в.). Ростов н/Д : Изд-во СКНЦ ВШ. 358 с.
- Суцкий С. Я., 2019. Стратегия социально-экономического развития Южного федерального округа-2020: оценка предварительных итогов // Региональная экономика. Юг России. Т. 7, № 1. С. 88–102. DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2019.1.8>
- Уборочная кампания в РФ, 2022. URL: <https://zerno.ru/node/20215> (дата обращения: 19.07.2022).
- Юг России: институты и стратегии модернизации экономики, 2014. М. : Вуз. кн. 408 с.

REFERENCES

- Atlas social'no-ekonomicheskogo razvitiya Yuga Rossii*, 2011 [Atlas of Socio-Economic Development of the South of Russia]. Rostov-on-Don, University Book Publ. 144 p.
- Auzan A.A., 2015. «Effekt kolei». Problema zavisimosti ot traektorii predyushchego razvitiya – evolyuciya gipotez [“The Track Effect”. The Problem of Dependence on the Trajectory of Previous Development – The Evolution of Hypotheses]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6*.

- Ekonomika* [Bulletin of the Moscow University, Series 6. Economics], no. 1, pp. 3-15.
- Gruzooborot morskikh portov Rossii*, 2003–2021 [Cargo Turnover of Russian Seaports, 2003–2021]. URL: <https://www.morport.com> (accessed 17 June 2022).
- Druzhinin A.G., 2009. *Global'noe pozicionirovanie Yuga Rossii: faktory, osobennosti, strategii* [Global Positioning of the South of Russia: Factors, Features, Strategies]. Rostov-on-Don, North Caucasian Scientific Center of the Higher School of the Southern Federal University Publ. 288 p.
- Mitrofanova I.V., Selyutin V.V., Ivanov N.P., 2019. «Belye pyatna» strategii prostranstvennogo razvitiya Rossii: obsuzhdenie proekta [“White spots” of the Spatial Development Strategy of Russia: Discussion of the Project]. *Regional'naya ekonomika. Yug Rossii* [Regional Economy. South of Russia], vol. 7, no. 1, pp. 42-55. DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2019.1.4>
- Na kurortah Kubani v 2022 godu otdohnuli bolee 11 millionov turi-stov*, 2022 [In the Resorts of Kuban in 2022, More than 11 Million Tourists Rested, 2022]. URL: <https://ria.ru/20220824/kuban-1811750821.html> (accessed 19 July 2022).
- Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli 2005, 2006* [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators 2005]. Moscow, Rosstat Publ. 981 p.
- Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli 2020, 2021* [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators 2020]. Moscow, Rosstat Publ. 1140 p.
- Rejting investicionnoj privlekatel'nosti regionov RAEX. 2000–2020* [Rating of Investment Attractiveness of RAEX Regions. 2000–2020]. URL: <https://raex-a.ru/ratings/regions/1996-2020> (accessed 15 June 2022).
- Rozin M.D., Sushchij S.Ya., 2011. *Yug Rossii: etnodemograficheskie i migraci-onnye processy (konec XX – nachalo XXI v.)* [South of Russia: Ethno-Demographic and Migration Processes (Late XX – early XXI Centuries)]. Rostov-on-Don, North Caucasian Scientific Center of the Graduate School of the Southern Federal University Publ. 358 p.
- Sushchij S.Ya. *Strategiya sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Yuzhnogo federalnogo okruga-2020: otsenka predvaritelnykh itogov* [The Strategy of Social and Economic Development of the Southern Federal District-2020: Preliminary Assessment of the Results]. *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii* [Regional Economy. South of Russia], 2019, vol. 7, no. 1, pp. 88-102. DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2019.1.8>
- Uborochnaya kampaniya v RF*, 2022 [Harvesting Campaign in Russia]. URL: <https://zerno.ru/node/20215> (accessed 19 July 2022).
- Yug Rossii: instituty i strategii modernizacii ekonomik*, 2014 [South of Russia: Institutes and Strategies of Economic Modernization]. Moscow, University Book Publ. 408 p.

Information About the Author

Sergey Ya. Suschiy, Doctor of Sciences (Philosophy), Chief Researcher, Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Chekhova St, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, SS7707@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5131-3988>

Информация об авторе

Сергей Яковлевич Суций, доктор философских наук, главный научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, SS7707@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5131-3988>